

ВСЕГДА В ПУТИ

Когда собираешься писать об актере — давно сложившемся мастере, широко проявившем себя в щедрой разнохарактерности человеческих судеб, прожитых им на сцене, — то стремишься найти наиболее точное определение главенствующего свойства его таланта, его творческого облика.

Для всей — уже полувековой! — жизни в искусстве народного артиста СССР Михаила Ивановича Царева, пожалуй, самым примечательным было и остается активное неприятие покоя, постоянное, не остывшее и в семьдесят лет стремление к еще неизведанному, неоткрытому, неиспробованному. Какие только пути-дороги не прошел со своими сценическими героями умудренный житейским и художественным опытом артист, но они так и не привели его, эти пути-дороги, в покойную гавань отдохновения. Художник остается художником, пока живет в нем нестерпящая страсть первооткрывателя, пока зовут его вперед новые дали...

...На сцену советского театра Михаил Царев пришел с Чацким. То была не первая, но главная, или, как говорили в старину, «коронная», его роль. На многие годы грибоедовский Чацкий стал самым близким спутником его актерской жизни. Они — Чацкий и Царев — были вместе еще в далекие двадцатые годы на петроградской сцене: сначала в Василеостровском театре, а потом и в знаменитой Александринке — нынешнем Ленинградском театре драмы имени Пушкина. В тридцатых годах они встретились снова в мейерхольдовской постановке «Горе от ума». Вдохновенный их союз продолжался и дальше, в сороковые годы, уже на сцене Малого театра. Только через тридцать с лишним лет, в 1954 году, расстался артист с дорогим его сердцу героем.

В роли Чацкого надолго определилось направление сценических исканий Михаила Царева. То было направление героико-романтического театра, горячо отзывавшегося на требования времени. В нем-то и раскрылись в полную силу художественное своеобразие самобытной натуры пылкого мастера, гражданский темперамент его творчества.

Вспоминал былое, Царев рассказывал, что в его Чацком кому-то виделся иной раз запальчивый, беспокойный комсомольский характер. Столь неожиданное восприятие героя классической драматургии не смущало исполнителя роли. Он, конечно же, и не думал переселять Чацкого в иную историческую эпоху. Ему лишь хотелось, чтобы пришедший в театр молодой современник через рубежи времени дружески протягивал руку далекому своему ровеснику: благодарному молодому человеку минувшего столетия — гражданину, патриоту, гуманисту, который разделял близкие ему чаяния декабристов.

В главной своей роли Царев показал себя убежденным приверженцем прогрессивных, демократических традиций сценического реализма, прославивших русский театр. В русле этих нестерпящих традиций и сложилась личность глубоко современного артиста, закалилась в нем на всю жизнь чувство вечной новизны и современности искусства жизненной правды. То чувство, которое не старит художника, не гасит пламени его вдохновения.

Десятки ролей сыграны Михаилом Царевым. Многие из них, при всей несхожести, входят, условно говоря, в круг Чацкого. Это шиллеровский Фердинанд из «Коварства и любви». Это Жадов и Незнамов из пьес А. Островского «Доходное место» и «Без вины виноватые»... Выход из привычного круга Чацкого в круг иных ролей, непривычных еще для артиста характеров

был обозначен ролью Глумова («На всякого мудреца довольно простоты» А. Островского). Это произошло уже в зрелые годы, на сцене Малого театра, куда Царев попал не сразу — на семнадцатом году своей актерской биографии.

И все же не случайным, а скорее закономерным был для него приход в старейший русский театр — в Дом Шепкина, в Дом Островского. Он шел к нему много лет, чтобы, обогатившись сценическим опытом, по праву занять потом достойное место в ряду знаменитых его мастеров.

На верное служение лучшим заветам русской сцены одаренного юношу благословила великая Ермолова. В тот майский день 1920 года, когда театральная Москва торжест-

венно чествовала первую народную артистку республики, приехавший на ее юбилей из Петрограда Юрий Михайлович Юрьев — звезда александринской сцены — привел к Ермоловой своего ученика — студента Школы русской драмы Михаила Царева...

До прихода в Малый артиста знал уже не один театр — в Петрограде, в провинции, Москве. Когда Царев отозвался на неожиданное для него приглашение Мейерхольда, учитель сказал своему ученику, что в молодости полезно пройти через все, познать разные грани искусства. А когда Михаил Иванович вошел в Дом Шепкина, Юрьев уже по-другому напутствовал любимого воспитанника:

— Это навсегда, это бесповоротно, что бы там ни было, ни при каких обстоятельствах из Малого не уходить!

До поры до времени Царев оставался в Малом театре актером романтической школы. Потом с роли Егора Глумова перед ним все заманчивей и шире открылось неоглядное поле новых исканий, интересных творческих возможностей и проб. Встречи с персонажами Островского, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Чехова все больше обогащали палитру артиста.

Он великолепно сознавал, что движению жизни должно сопутствовать и движение искусства. Неостывающая с годами страсть исканий приводила чаще всего к последствиям и результатам счастливым. И не только к счастливым, а и к удивительным, неожиданным. Могли подумать, Всеволод Вишневский, что тот самый Царев, который выступал некогда в «салонной» роли Армана Дювала в мейерхольдовской постановке «Дамы с камелиями», появился когда-то на сцене в облике его Вожак из «Оптимистической трагедии»!

А Царев вот появился, появился, казалось, вопреки всему, в совершенно несвойственной ему роли. Но художник, обладающий мудростью и гражданственностью таланта, в конечном счете сам решает, что ему свойственно и что несвойственно. И артист сумел убедить, что Вожак — это его роль. Он нашел для нее свою меру жизненной, художественной достоверности, открыл

неожиданные возможности сценического истолкования непростого характера Вожак. Артистом тонкого социального слуха точно было угадано неприглядное существо этого анахистствующего контрреволюционера, пытавшегося вести по гибельному пути революционный матросский полк. На сцену вышел изрядно потрепанный жизнью, озлобленный, духовно опустошенный человек, в котором ужались анархист и эсер, оголтелый демагог, пошляк и позер, жалкий интеллигентско-слизистый в черном матросском бушлате и пенсне, мечтавший, поди, лаврах Бонапарта, не меньше.

За Вожаким также неожиданно последовала заглавная роль в горьковском «Старике». В смиренном и благостном по виду «божьем страннике» с беспощадной правдой и силой обличает артист подлую душу человеконенавистника, снедаемого иступленной, садистской жадой мести людям за перенесенные им страдания. Против ненавистной Горькому «философии страдания», «философии мести» артист выступает с силой гневного осуждения. В своем исполнении он выявляет прямотаки шекспировские масштабы роли Старика.

Михаилу Цареву несвойственна бескрылость актерского самоповторения. С каждой новой ролью что-то новое входит в его искусство. В Маттиасе Клаузене («Перед заходом солнца» Г. Гауптмана) он захвачен глубиной философского, социального постижения трагической судьбы духовно сломленного человека, горестно сознющего беспечность прожитой им жизни в жестоком и лицемерном обществе бесправия, поправшем идеалы гуманизма, ни во что не ставящем достоинство, честь и ценность личности...

Даже тогда, когда выходит Царев на эстраду с чтением классических стихов, знакомых каждому еще со школьных лет, слушатели захватывают неожиданность и свежесть актерской мысли. Вот он читает, к примеру, лермонтовское стихотворение «И скучно, и грустно», и ты словно впервые слышишь эту страстную гражданскую исповедь вольнолюбивого поэта, впервые открываешь для себя богатство нравственного, социального содержания, выраженного всего лишь в двенадцати строках чудесного лирико-философского шедевра молодого Лермонтова.

На сцену и на эстраду Царев выходит глубоко мыслящим артистом, в совершенстве владеющим богатейшей выразительностью русского слова, высоким мастерством сценической речи. Мастерство это для него означает непреложное начало демократичности, идейности искусства театра.

Счастливо сложилась актерская судьба Михаила Царева. Ему есть что сказать своему современнику со сцены и с экрана, со страниц газет или журнала. Неувядающая энергия бодрой, активной жизнедеятельности заявляет о себе и в творчестве, и в жизни, и в многогранных общественных делах и обязанностях Царева. Актер-коммунист творческим трудом своим заслужил большое уважение и большое доверие. О высокой мере этого уважения, доверия и признания много скажут памятные страницы жизни артиста: он был делегатом XXI, XXII, XXIII, XXIV съездов КПСС...

Энергия таланта Михаила Царева настолько молода и неисчерпаема, что и в праздник своего семидесятилетия он обращен не в день вчерашний, а в день завтрашний. Художник по-прежнему в пути. Его ждут незаконченные дела, новые роли и новые спектакли. И впереди у него труд, труд и труд, который принесет ему радость и счастье новых сценических открытий, новых художественных постижений.

Н. АБАЛКИН.

30 НОЯ 1973
ПРАВДА